

Харламов, А. А. Шемкин, М. Ф. Зайцев, М. М. Богданов-Бельский, Келин, П. П. Орлов, С. Р. Харламов, А. А. Туржанский, Л. В.

Слогъ безъ ударенія (—).
 Море — — — — —
 Рыба — — — — —
 Солнышко — — — — —
 Желанье — — — — —
 Голова — — — — —
 Первое сочетание — долгій короткий называется хорей.
 Второе — короткий долгій — ямб.
 Третье — долгій короткий короткий — дактиль.
 Четвертое — короткий долгій короткий — амфибрахий.
 Пятое — короткий короткий долгій — анапест.
 Все существующіе размеры стиха лишь комбинаціи этихъ основныхъ элементовъ.
 Все слова, какими бы длинными они не были могутъ быть разложены на стопы: каждое слово имѣетъ одно главное удареніе и нѣсколько второстепенныхъ.
 Красавица — — — — —, т. е. два ямба.
 Препослительство — — — — —, т. е. три ямба.
 Непослительство — — — — —, т. е. дактиль и хорей, или хорей и дактиль, т. е. амфибрахий и хорей, или — — — — —, т. е. ямб и амфибрахий.
 Одно и то же слово въ разныхъ стихотвореніяхъ принимаетъ второстепенныя ударенія на разныхъ мѣстахъ.
 Такъ безпокоитъ меня (—) — — — — —
 Непослительство твоё... — — — — —
 Или — — — — —
 Твое непослительство — — — — —
 Меня такъ безпокоитъ... — — — — —
 Въ первомъ случаѣ удареніе на с и я, а во второмъ на о и и.
 Второстепенныя ударенія, которыя мы будемъ называть по л удареніями, могутъ мѣнять мѣста, но главное удареніе остается неподвижнымъ.
 Исключенія, правда, случаются, — главнымъ образомъ въ народныхъ пѣсняхъ.
 Хороня серебро... — — — — —
 Чисто золото я — — — — —
 Или — — — — —
 Ужь я золото хороню, хороню... — — — — —
 Чисто серебро, хороню, хороню... — — — — —
 Искусство стихосложенія и есть въ сущности говоря искусство пользоваться удареніями и полуудареніями, располагая слова такъ, чтобы чередованіе слоговъ ударныхъ, полударныхъ и неударныхъ давало правильный, ритмическій рисунокъ.
 Слова каждого прозаическаго отрывка можно расположить такъ, что они дадутъ и ямбическій, и хорейскій, и дактильскій, и какой угодно рисунокъ. — нужно умѣть только пользоваться синонимами.
 Вотъ напримѣръ ямбическій рисунокъ:
 Слова отрывка каждаго расположить возможно такъ, что въ него войдутъ ямбъ, дактиль иль хорей...
 Вотъ хорей:
 Каждяго слова отрывка могутъ такъ располагаться что получатся, какъ угодно дактиль, ямбъ иль хорей.
 Хотите дактиль:
 Каждяго можно отрывка словечками Располагать по желанію нашему,

Такъ то получимъ размеръ амфибрахий.
 Ямба, хорей, анапеста, дактиля...
 Вотъ анапестъ:
 Въдъ отрывка любого искусно слова.
 Размѣстятъ можно такъ, что получится въ Амфибрахий, иль ямбъ, анапестъ иль дактиль... Но будутъ ли это стихи...
 Наконецъ вотъ амфибрахий:
 Отрывка любого слова, выраженія всегда размѣстятъ такъ искусно мы можемъ,
 Что ямбъ, иль хорей, амфибрахий, иль дактиль,
 Иль вдругъ анапестъ по желанію получимъ.
 Но какъ бы искусно ни представляли мы слова прозы, какой-бы безукоризненной въ техническомъ отношеніи дактиль или анапестъ ни получили бы мы — все же это будетъ не поэтическое произведеніе, а стихо-проза.
 Поэтъ долженъ быть создателемъ, претворителемъ, а не конгломеромъ.
 Фокусами, проворствомъ рукъ никого не удивимъ.
 И все-таки это проворство рукъ необходимо, — какъ необходимо вамъ проворство вашихъ изящныхъ ручекъ, когда вы бѣгаете или по бѣлоснѣжнымъ клавишамъ роля.
 И тащъ подъ вашими ручками свѣтъ и распускаются грены Шумана, улыбки Грига, весны Шопена.
 Итак, необходимы (скупная упреждающая) — — — — —
 Поставимъ вамъ задачу № 1.
 Разъясните ее и приложите мнѣ, — этимъ и начнутся наши практическія занятія по версификаціи.
 Теорія — въ пѣсняхъ.
 А практика — въ задачахъ.
 Впрочемъ, по возможности, буду меньше угощать васъ теоріей.
 Я не терплю этой чопорной, чертовой особы. Н. Шебуевъ.
 Лицамъ желающимъ принять участіе въ практическихъ занятіяхъ по версификаціи, предлагается слѣдующая задача № 1:
 Переделать въ а) ямбъ, б) хорей, в) дактиль, г) анапестъ и д) амфибрахий отрывокъ изъ «Страшной мести» Гоголя:
 Чуденъ Дмитръ при тисой погоды, когда волюю и планою мнѣтъ сжогъ леса и горы полныя воды свои. Ни замешлетъ, ни прогремимъ. Глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширма, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину тянется и вѣетъ по зеленому міру.
 При рѣшеніи этой задачи слѣдуетъ: 1) заботиться о возможномъ сохраненіи подлинныхъ словъ Гоголя; 2) не гнаться за ритмомъ, — только за ритмомъ; 3) строкъ должно быть при любомъ изъ размѣровъ не менѣе четырехъ.
 Послѣдняя рѣшенія въ редакцію «Весни», на конвертѣ четко пишите Версификація, а на работѣ Задача № 1, а, или б, или в, — смотря по тому, какой размеръ вы выбрали.
 Лучшія работы будутъ опубликованы

ПЕРЕДВИЖНИКИ ПЕРЕДВИНУЛИСЬ.
 1. Совѣсьмъ наканунѣ сорокалѣтняго юбилея совершилось нѣчто. Почти ничто. Но для передвижниковъ — нѣчто. И даже очень замѣчательное нѣчто. Ходили по выставкѣ и чувствуешь, что въ воздухѣ немного больше озона. Дышется бодрѣе, затхлыя стѣны кажутся чужкою молью: неподвижки подвинулись! Чутько влѣво. Пустыли молодежь. Или вѣрнѣе молодежь вошла. И сразу стало интереснѣе.
 2. Правда въ первыхъ рядахъ знакомыя все лица. Конечно И. Е. Рѣпинъ выставившій «Пулхину» и вариантъ къ его знаменитой картинѣ украинской Третьяковскую галлерей «Сыноубійца». Для тѣхъ кто запечатлѣвъ въ памяти оригиналъ эта помѣченная 1900 года (sic!) копія мало любопытна. Конечно на мѣстѣ В. Е. Мавроковскій съ его ощенками, въ которыхъ разсказъ убиваетъ живописью.
 Вотъ «Въ отсутствіи господъ» горничная демонстрируетъ граммофонъ дѣтямъ, нянькѣ и кучаркѣ, ну совѣсьмъ сценка изъ «Петербургской газеты». Вотъ пріятеля «Засидѣлся въ трактирѣ», сценка изъ «Перибургскаго листа». И какъ «Листокъ» и «Петербургская Газета» не могутъ быть названы образцами русской литературы, такъ живопись Мавроковскаго не можетъ быть названа образцомъ русской живописи.
 Гораздо интереснѣе А. В. Мавроковскій — пейзажистъ.
 Онъ совѣсьмъ не похожъ на отца.
 — Даже не одноклассникъ! На мѣстѣ конечно К. В. Лебедевъ съ его историческими картинками, въ которыхъ исторически только костюмы.
 А духомъ, стариннымъ духомъ совѣсьмъ не вѣетъ ни отъ «Невѣсть», ни отъ «За работой».
 На посту конечно А. К. Бегровъ и Н. М. Дубовской, пережившіе себя могикане марини.
 По прежнему основательно скупны Е. Е. Волковъ и «весь въ прошломъ» В. Д. Пойльновъ.
 Олеографитъ своихъ дѣлать Н. К. Пимоненко и С. Д. Милорадовичъ.
 Н. Д. Кузнецовъ держалъ пари, что напишетъ подъ Богдановскаго.
 И выигралъ.
 Поставилъ его «Портретъ между лежащей на шкуркѣ съ вытянутой шеей и соснами «Спящей львицей» и портретами г-жи Э. Р. О. Васмонъ и Самоилоенко Н. К. Богдаревской и вы не сможете сказать, гдѣ кончается Кузнецовъ и начинается Богдаренко.
 Пейзажъ же на портретѣ А. В. Кривошенина написать прямо недобросовѣстно.
 Въ дешевыхъ фотографіяхъ, желая почтить заказчика снимаютъ его на лошѣ природы.
 «Лоно природы» намалевано на особаго вида ширмахъ знакомымъ маляромъ за полбугылки.
 Такое же лоно природы соорудилъ за спиной А. В. Кривошенина Н. Д. Кузнецовъ.
 Нужно вовсе ничего не понимать въ живописи, чтобы принять подобный портретъ.
 Хорошо представлены покойники: А. А. Киселевъ и К. В. Лемозъ.
 Все знаютъ, что А. А. Киселевъ въ памяти оригиналъ эта помѣченная 1900 года (sic!) копія мало любопытна.
 По крайней мѣрѣ въ ихъ каталогъ значится живымъ и живущимъ.
 О всякой новости въ искусствѣ, о всякомъ новомъ вѣяніи передвижники узнаютъ послѣдними.
 Н. П. Богдановъ-Бельскій изумительно постигъ психологію дѣтшишекъ.
 Глаза средняго мальчугана въ группѣ ребятъ «На пріемѣ въ школу» — цѣлое откровеніе.
 Въ этихъ двухъ капелляхъ краски съ палитры художника отразились все мѣры.
 Пленеръ. Именны учительница — одно изъ самыхъ любопытныхъ полотентъ послѣдняго сезона.
 Трудная задача бликовъ полуденнаго солнца, прорывающагося черезъ сѣтку листьевъ и падающаго на лички юныхъ чаѣ дѣтшишекъ, разрѣшена просто и мило.
 Рядомъ съ дѣтшишками Богданова-Бельскаго такими ненужными кажутся Харламовскія головки.
 Какъ приторны его дѣвчушки. Имѣть въ домѣ такую горничную какъ вотъ эта скрепящая на груди руки дѣвчушка Харламова очень приятно.
 Но вѣшать на стѣнкѣ ея портретъ, — это уже — maudais ton.
 Вотъ и все старые старинки передвижниковъ.
 Изъ молодыхъ стариковъ на первомъ планѣ В. К. Балашинскій-Бирюля.

Еще совѣтъ молодой не дадутъ, онъ уже окаменѣлъ, — не идетъ, не шипитъ, повторяетъ въ безконечныхъ вариантахъ одно и то же, — какъ Дубовскій.
 Поэтому все его картины кажутся уже старыми, видными на другихъ выставкахъ.
 Нужно слѣзть такъ, чтобы самъ художникъ стоялъ подлѣ своихъ картинъ и повторялъ:
 — Господа, даю честное слово что эти картины еще нигдѣ не выставлялись! Обратите вниманіе — краски еще не высохли.
 Краски еще не высохли, а уже высохъ интересъ къ картинѣ! Это знаменіе времени!
 — Молоко еще на губахъ не просохло, а уже съдой...
 И все таки Бирюля — громадный мастеръ.
 С. Ю. Жуковскій напротивъ совѣсьмъ юноша по сравненію съ нимъ. Душой.
 Жуковскій все шипитъ, все мѣняется и, оставаясь всегда мастеромъ, интереснымъ и красивымъ, не даетъ вамъ догадаться какими вы встрѣтите его завтра.
 Сегодня у передвижниковъ онъ какъ то сталъ мажорнѣе, яснѣе видятъ, четче шипитъ, не вуалируетъ, налетомъ левитановской грусти, — бодрѣе аккорды.
 Даже въ «Печальномъ садѣ» не слышно минора, даже въ «Конецъ лѣта» больше радостнаго начала чѣмъ конца.
 Живо, широко и широко сдѣланы портреты П. И. Келина.
 Для меня это новое имя. И я радъ, что познакомился съ молодымъ художникомъ по такимъ удачнымъ вещамъ.
 Черезчуръ широко для такой маленькой вещи исполнены «Вечерніе огни».
 Но и въ немъ мастничной достигнута великолѣпная и неожиданная эффектъ.
 А. В. Моравовъ со своими «Декабристами» не интересенъ.
 Какъ картина — не живописно. Какъ портретъ — не достоинъ.
 Въ цѣломъ — не искренно — расчитано на дешевый эффектъ.
 П. И. Петровичъ совѣсьмъ забросилъ свою кудреватую технику, пересталъ констатировать свои мазками и сразу выросъ, покончилъ съ.
 Въ сегодняшнихъ работахъ («Ростовскій кремль», «Городъ провинція», «Городъ лѣтомъ», «Весенній день», въ особенности «Въ Богословскій церковь») это громадный художникъ.
 Такое благородство тона, такая выдержанность и серьезность, такое спокойствіе и такой вкусъ.
 Съ первыхъ московскихъ павильоновъ въ выставкѣ Петровича, по этому мнѣ особенно отродно видѣть, что онъ не только оправдалъ, но превзошелъ мои ожиданія.
 На этой выставкѣ это самый интересный художникъ.
 Вѣрнѣе себя, родной почвой, родной «лашнѣ», роднымъ «Старымъ гнидаемъ» Л. В. Туржанскій.
 Въ новыхъ работахъ молодой художникъ сдѣлалъ замѣтный шагъ впередъ.
 Напротивъ Н. Ф. Холявинъ не вѣрнѣе себя, не увѣрнѣе и сидитъ между двухъ столбовъ: въ его этюдахъ что на бляшечкѣе.

Молодой талантливый А. И. Чирковъ не ярко представляетъ въ двухъ этюдахъ.
 Подъ Фешни пробуетъ свои силы молодой талантъ П. А. Родионовъ.
 Уходящій съ выставки подъ обаяніемъ милого женскаго лица на картинѣ М. М. Зайцева «Лавина».
 Красивая одухотворенная головка съ задумчивыми влюбленными глазами смотритъ на всѣхъ съ полотно.
 И дѣлается радостно, молодо...
 — Неужели я у передвижниковъ!
 Н. Шебуевъ.
ПРОВОРСТВО РУКЪ.
 Л. Василевскій (Не-Шутка!) редактируетъ газету, которая привѣтствуетъ «Весну».
 Возобновились Шебуевскія «Весни» — Сегодня для меня день великой радости — писать по этому поводу Шебуевъ, цитируя о себѣ отъ К. Чуковского:
 «Нже давно похвастунтъ безъ те денщи. Уже давно съ гордостью и сѣтъ на лбу роконыя слона, котораго геніальный Шебуевъ начерталъ и своимъ изумленіемъ».
 Въ политикѣ — нѣтъ партій.
 Въ литературѣ — нѣтъ кружковъ.
 Въ искусствѣ — нѣтъ напра дѣи словесъ изумленій.
 «Вѣтру — великую трагедію» — говоритъ К. Чуковский.
 Я не чувствую трагедію — вѣсело отзываясь Шебуевъ: «Напротивъ радостное чувство принималъ мѣсяцъ».
 Ну, и слава Богу!
 Принципиальная часть «Весни» мѣшается въ «позитомъ ишнѣ» — «Весни» — выплываютъ въ адресъ одного изъ авторовъ — не жеть оплакать нашихъ бывалыхъ словесниковъ.
 «Вѣтру» — великую повѣрю епленіи».
 Пусть вамъ «дѣтеръ-великакъ» заплатитъ. Тѣ кто любить «Весни» безкористо служатъ ей. А тѣ кто не любятъ, не надо и по 15 коп. на строчку. «Весни» на лопачку, храмъ пробуждающихся надеждъ, расцѣляющихъ талантовъ».
 Нужно ли изумляться шулерскому проворству рукъ, вырвавшихъ цитаты изъ разныхъ мѣстъ моей статьи, направленной пр